

Ростовская Мария Федоровна

**Детские забавы: Сборник
рассказов**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
М26

М26 **Мария Федоровна Р.**
Детские забавы: Сборник рассказов / Ростовская Мария Федоровна – М.:
Книга по Требованию, 2025. – 260 с.

ISBN 978-5-519-83547-3

ISBN 978-5-519-83547-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

не вытерпѣлъ, опять поднялъ стрѣлу и въ двухъ шагахъ выстрѣлилъ прямо въ кота. Хотя стрѣла и не была остра, но видно Каширь-Мурлуку было больно. Онъ оскалилъ зубы, поднялъ со злостью усы и такъ сердито кинулся на Петю, что нашъ шалунъ перепугался, громко закричалъ и, бросивъ свой лукъ на полъ, пустился бѣжать изъ передней. Въ дверяхъ его встрѣтила мама.

— Что съ тобой, Петя? спросила она.

— Гадкій Каширь-Мурлыкъ, сѣвозъ слезы сказалъ Петя.

— Что онъ тебѣ сдѣлалъ?

— Я думалъ, онъ меня съѣстъ.

— Да съ чего ты это взялъ?

— Вотъ какую онъ сдѣлалъ страшную рожу, показалъ Петя, смѣшно вытаращивъ глаза, оскаливъ зубы и сжавъ ручки въ кулаки.

Мама расхохоталась.

— Какой ты уморительный, Петя,—сказала она со смѣхомъ.—Да что вздумалось Каширу-Мурлыку на тебя сердиться? Онъ такой добрый и милый котъ. Ты, вѣрно, дразнилъ его?

— Я только въ него выстрѣлилъ, онъ и разсердился!

— А! значить за дѣло! Какъ тебѣ не жаль было нашего бѣднаго Кашира? Это стыдно. Если я тебѣ не позволила стрѣлять въ этихъ комнатахъ, то никакъ не воображала, чтобы ты въ передней нашелъ Кашира и сталъ бы его мучить. Я очень благодарна ему за то, что онъ тебя проучилъ.

Можетъ быть, теперь тебѣ въ голову никогда не придутъ такія глупыя фантазіи. Поди-ка, лучше приласкай его хорошенько, чтобы загладить свою вину передъ нимъ. Повѣрь, дружокъ. Каширь-Мурлыкъ—добрый котъ. Другой на его мѣстѣ такъ бы вцѣпился тебѣ въ глаза. Какъ это можно придумать такую глупую игру—стрѣлять въ живого и добраго нашего пріятеля.

Петя почувствовалъ справедливость словъ мамы, тотчасъ же отыскалъ подъ диваномъ любимато Каширь-Мурлыка, цѣловалъ его пушистую голову, чесалъ ему за ушками и, наконецъ, совершенно помирившись съ нимъ, уложилъ его на бархатной подушкѣ спать.

Смѣхъ и горе.

Катѣ минуло двѣнадцать лѣтъ. Она думала, что сдѣлалась уже большою и очень обижалась, когда ее называли ребенкомъ.

Она была высокаго роста, хорошенькая дѣвочка, черноглазая и черноволосая, очень любила наряжаться,

часто поглядывала на себя въ зеркало, но вообще, была очень разсѣяна и вѣтрена.

Иногда, послѣ чая, она начинала креститься и молиться, совершенно не думая о томъ, что дѣлаетъ.

Въ другой разъ, вмѣсто носового платка она захватывала какую-нибудь грязную тряпку и, къ удивленію всѣхъ, вдругъ вынимала ее изъ кармана.

Во время дождя, или зимою въ холодъ, она почти всегда забывала надѣть галоши или теплые башмаки.

Когда прїѣзжали гости, Катя частехонько принимала одну даму за другую: Анну Петровну называла Варварой Ивановной, Варвару Ивановну—Софьей Николаевной и такъ далѣе.

Ее часто за это бранили, какъ и слѣдовало, или смѣялись надъ нею, но дѣвочка не исправлялась. У нея точно вѣтеръ былъ въ головѣ.

— Здорова ли мама?—спрашивали ее знакомыя, встрѣтивъ на улицѣ, когда она гуляла со своей няней.

— Слава Богу,—отвѣчала дѣвочка съ веселой улыбкой.

— Какое, матушка, здорова,—прерывала ее няня.—Она вчера весь день пролежала отъ головной боли. Уже хотѣли и за докторомъ посылать. Слава Богу, что теперь чуть-чуть полегче.

А Катѣ даже не совѣстно было, что она и тутъ вѣтреничала, хотя дѣло шло о дорогомъ здоровьѣ ея матери.

Впрочемъ, часто нельзя было не смѣяться, до того эта дѣвочка дѣлала смѣшныя вещи.

Напримѣръ, за обѣдомъ, Катя вмѣсто стакана вдругъ нальетъ квасу въ тарелку или, не замѣчая, что у нея тарелки нѣтъ, положить шпинатъ прямо на скатерть, да такъ проворно, что слуга, подносящій ей блюдо, не успѣетъ ее даже остановить.

Иногда она являлась въ гостиную въ сапожкѣ на одной ногѣ и въ туфлѣ на другой, сама этого не замѣчая.

Одинъ разъ побѣжала она въ свою комнату за работой, принесла рабочій ящикъ, а онъ пустой, тотчасъ бросилась она опять внизъ отыскивать свое англійское шитье, принесла и усѣлась работать: смотреть—иголки нѣтъ.

— Какъ скучно,—сказала вѣтреная дѣвочка—иголка внизу осталась.

Вотъ она опять встала и опять побѣжала по лѣстницѣ.

— Что еще забыла—спросила ее съ насмѣшкой няня.—Вѣтеръ ты этакій.

— Иголку,—нетерпѣливо отвѣтила Катя.

— Вотъ твой игольникъ. Возьми, сударыня, да не теряй. Ты мастерица ихъ сѣять гдѣ не понало.

Катя, схвативъ игольникъ, побѣжала по лѣстницѣ такъ быстро, что почти задыхалась; наконецъ, она сѣла за круглый столъ, подлѣ котораго работала ея мама и двѣ тети.

— Ахъ досада,—сказала она, топнувъ ногой—Теперь наперстокъ забыла!

Мама и тетя громко захохотали.

— Можно ли быть такой вѣтреной,—съ упрекомъ сказала ей мама.—Ты когда нибудь голову свою потеряешь.

Хотя Катѣ было очень стыдно, но за наперсткомъ все таки пришлось бѣжать въ четвертый разъ по лѣстницѣ.

На этотъ разъ она шла тихо, въ раздумьи, сознавая себя въ своей опрометчивости и чув-

ствуя, что пельзя жить на свѣтѣ и постоянно все забывать. Шутка-ли за одной работой четыре раза сбѣгать внизъ и вверхъ, когда можно было бы захватить все сразу!

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого съ Катей случилась пресмѣшная исторія, которая очень на нее подѣйствовала и послужила еще лучшимъ средствомъ къ ея исправленію.

Катя собиралась куда то съ папой и мамой въ гости.

Она пошла одѣваться.

Ей подали умываться. Она схватила свою фаянсовую чашку и поставила противъ окна, совсѣмъ не заботясь о томъ, что занавѣска была не задернута и что съ улицы каждый могъ видѣть, какъ она будетъ умываться. Потомъ налила полную чашку воды и, полураздѣтая, принялась полоскаться и обливаться, ни о чемъ не заботясь.

Въ эту минуту къ ея мамѣ пріѣхала одна почтенная старушка съ визитомъ. Съ нею въ каретѣ сидѣлъ ея внукъ, студентъ, очень скромный и милый молодой человѣкъ.

Пока шли докладывать Катиной мамѣ о пріѣздѣ гостей, студентъ нечаянно заглянулъ въ окно и съ удивленіемъ сказалъ бабушкѣ:

— Посмотрите, бабушка. Этой барышнѣ лучше было бы ужъ выйти умываться на улицу.

— Вѣдь это Катя, отвѣчала старушка.—Постой, вотъ я ее пристыжу! развѣ можно мыться и полоскаться подъ самымъ окномъ?

Горничная, которая прислуживала Катѣ, подошла къ ней въ эту минуту и, увидя карету съ гостями, бросилась задерживать занавѣску.

— Ахъ, барышня, вѣдь на улицѣ то все видно, а вамъ и нужды нѣтъ! Вѣдь вы большая, что про васъ подумаютъ, сказала она.

— Няня говоритъ, что мнѣ еще рано стыдиться, со смѣхомъ отвѣчала Катя, у которой съ лица, съ шеи и съ плечъ бѣжала вода ручьями.

Она отерлась и стала одѣваться.

Пришли сказать, что мама зоветъ ее скорѣе въ гостинную.

— А какъ вы покажетесь? спросила горничная.—Вѣдь гости все видѣли. Какой стыдъ!

— А, можетъ быть, и не видѣли, отвѣчала Катя, поправляя волосы передъ зеркаломъ.

— А что, если видѣли?

— Эта дама старушка—такъ что тутъ за бѣда?

— Да вѣдь съ ней въ каретѣ сидѣлъ ея внукъ, студентъ. Я сама видѣла.

— Вотъ тебѣ и на, сказала Катя, сдѣлавъ смѣшную гримасу.—Ужъ и правда, что бѣда. Такъ я лучше на верхъ совсѣмъ не пойду.

— А мама что скажетъ?

Не успѣла горничная выговорить послѣднихъ словъ, какъ второй посланный опять пришелъ звать Катю отъ имени ея матери.

Нечего было дѣлать.

Катя застегнула свои рукавички, поправила воротничекъ и очень неохотно пошла на верхъ.

Она остановилась у дверей гостиной и никакъ не могла войти смѣло, какъ ни въ чемъ не бывало.

Услышавъ ея шаги, мама заеричала:

— Катя, поди сюда.

Катя почувствовала, какъ жаръ выступилъ у нея на лицѣ.

Она довольно неловко подошла къ старушкѣ гостѣ, которая ласково взяла ее за руку.

— Очень рада тебя видѣть, милая Катя, сказала она, цѣлуя ея розовыя щечки. — А знаешь, что я тебѣ скажу? Ужъ какая у тебя бѣлая шейка и плечики—предестъ.

Катя горѣла, какъ въ огнѣ.

Мама не понимала, что это значило, потому что на Катѣ было платье, застегнутое по самое горлышко.

Если Катя покраснѣла, то и студентъ сконфузился неменьше ея. Ему было совѣстно: онъ былъ виноватъ, что его бабушка такъ присыдила бѣдную дѣвочку.

Старушка замѣтивъ, какъ смутилась Катя, сжалилась надъ ней и сказала.

— Видишь, моя душа, какіе у меня глаза, хотя я и старуха. Платьице на тебѣ шерстяное, а я насквозь вижу.

Катя очень обрадовалась послѣднимъ словамъ старушки. Не успѣла она отъ нея отвернуться, какъ Катя съ обычной своею вѣтреностью прыгнула, какъ коза, задѣла рукавомъ букетъ цвѣ-

товъ, стоявшій въ стеклянной вазѣ и уронила его. Вода разлилась по всему полу; цвѣты посыпались въ беспорядкѣ.

Всѣ кинулись подбирать ихъ.

Катя, видя новую бѣду, растерялась больше прежняго; она засуетилась, помогала всѣмъ, вынула изъ кармана свой носовой платокъ и хотѣла имъ вытирать разлитую на полу воду.

— Отдохни, милая, съ усмѣшкой сказала ей старушка.—Ты совсѣмъ захлопоталась.

— Тото и бѣда, сказала мама, — что моя дѣвочка очень вѣтрена, никогда не помнить, что дѣлаетъ.

Въ это время Катя, раскраснѣвшись и запыхавшись, сѣла на кресло и оперлась на спинку, какъ будто отдыхая.

Старушка смотрѣла на нее съ замѣтной насмѣшкой. Помолчавъ немногъ она сказала:

— Ну, теперь ты успокоилась; такъ я тебѣ вотъ что скажу: ты сидишь на моей шляпѣ.

Катя вдругъ вскочила, какъ будто кто нибудь кольнулъ ее булавкой.

Подъ ней, дѣйствительно, была шляпа старушки, блинъ блиномъ. Гостыя сняла ее, положила подлѣ себя, а сама сидѣла въ своемъ накрахмаленномъ чепцѣ.

Можно вообразить себѣ смущеніе Кати и мамы.

Катя не вытерпѣла и залилась слезами.

Мама взяла въ руки пострадавшую шляпу и старалась, по возможности, ее расправить.

Старушка смѣялась и приговаривала:

— Надо признаться, что сегодня для Кати несчастный день: бѣда за бѣдой; но плакать не слѣдуетъ. Надо только стараться быть осторожнѣе.

Батя не могла утѣшиться. Она стояла передъ старушкой съ умоляющимъ видомъ и говорила сквозь слезы.

— Простите меня, пожалуйста. Я право не нарочно сѣла на вашу шляпу..

— Я въ этомъ увѣрена, моя душа, и прощаю тебя, нисколько не жалѣя о моей старушечьей шляпѣ. Мнѣ гораздо больше жаль твоихъ слезъ.

— Лучше поцѣлуй меня, оботри ихъ и, что бы все было забыто.

— Нѣтъ, нѣтъ, напротивъ, — продолжала мама. — Я надѣюсь, что Катя всегда будетъ помнить сегодняшній урокъ и воспользуется имъ, что бы быть впередъ благоразумнѣе.

Гости уѣхали, а мама еще немножко побранила Катю. Вѣтреная дѣвочка обѣщала употребить всѣ силы, чтобы исправиться и съ этаго времени стала замѣтно благоразумнѣе.

